

Разведай, старшая барышня вернулась — старшая барышня вернулась!

Хуа Чжао остолбенела. Если бы Ши Ушэ не поддержал её сзади, она бы от слабости в ногах осела на землю.

Только сейчас она разглядела, что даже эти слуги были теми самыми людьми, что прислуживали ей более двухсот лет назад.

Со слезами на глазах окинув взглядом всё во Дворе Фэйлю, Хуа Чжао обнаружила, что здесь всё осталось абсолютно прежним, не изменившись ни на йоту.

Наконец, не колеблясь больше, она быстро побежала вверх.

Пробежав половину пути, она увидела Хуа Лянмина, который, услышав крики служанки, спотыкаясь и в беспорядке одетый, выбежал со второго этажа.

Хуа Лянмин был одет в траурное белое поверх чёрного.

За столько лет Хуа Чжао видела его в Городе Трёх Миров дважды, но из-за пустоты в чувствах она тогда к нему не подходила.

Хотя она и находила странным, что Хуа Лянмин носил чёрное, в те времена у неё не было эмоций и она не задумывалась об этом всерьёз.

Но сегодня, в этот самый миг, она всё поняла с первого взгляда.

Её отец, питавший слабость ко всему пестрому, чей изысканный стиль вечно напоминал то бабочку, то бога цветов, внезапно облачился в чёрное вовсе не из-за смены вкусов.

Это был седовласый отец, провожавший в последний путь человека помладше.

Поднебесная успокоилась, и все вокруг радовались.

Но ее дочь умерла.

Тогда из-за самопожертвования Ши Ушэ она сохранила лишь воспоминания о нем самом, и всё это было добыто ценой его жизни.

Теперь же, вновь обретши все человеческие чувства, она остановилась, задрала голову и сквозь пролет лестницы встретила взглядом с растрёпанным, донельзя жалким Хуа Лянмином, выскочившим к вершине лестницы.

Всего одного взгляда хватило Хуа Чжао, чтобы сердце её разорвалось на части.

Тонкий аромат персикового цвета бурной волной хлынул сверху вниз в ноздри, нос Хуа Чжао защипало, и лицо залилось слезами.

Хуа Лянмин выглядел точно так же, как и прежде: казалось, время застыло более двухсот лет назад, и он оставался тем же развязным, свободным и безудержным Старейшиной Минъюэ.

Однако, приглядевшись, можно было заметить глубокую, застарелую скорбь в его глазах — все эти двести лет он проводил дни в хмелю, погруженный в мрачную подавленность.

Когда-то он вместе с другими главами праведных сетей почувствовал неладное на Большом Турнире

и приложил все силы, чтобы пробить барьер Леса Тумана демонов.

Ему было всё равно на судьбу простого народа, он шёл лишь спасать свою дочь.

Его дочь принесла себя в жертву ради мира во всех трех мирах, но он сам лишился ребёнка.

В те годы Хуа Лянмин редко появлялся в Городе Трёх Миров и почти не покидал Секту Меча Цинлин.

Он был похож на привязанного к этому месту духа, которого время заперло в том двухсотлетнем прошлом: он вновь и вновь переживал бывшее разбитое сердце, ревностно храня этот двор, словно когда-то с ребенком на руках ожидал невернувшегося возлюбленного, — он ждал возвращения своей любимой дочери.

И ждал так долго, что надежда постепенно сменилась отчаянием; он даже не смел слушать вести о собственной дочке.

Оставалось лишь целыми днями напиваться до бесчувствия, и в этом забытии бредового дурмана к нему возвращались самые дорогие в жизни жене и дочери.

Даже в эту минуту происходящее казалось ему сном, который он видел бесчисленное множество раз.

Хуа Лянмин стоял у верха лестницы, не смея спуститься, перед глазами всё расплывалось, и он не осмеливался вглядываться слишком пристально.

Ведь каждый раз в его снах всё рассеивалось без следа, стоило ему попытаться приблизиться и рассмотреть получше.

Ему хотелось тонуть в этом столь трудно достижимом сне как можно дольше, ещё чуть-чуть.

Но боль в глазах Хуа Лянмина пронзила стоявшую внизу Хуа Чжао насквозь, словно клинок, и она, вся в ранах, шаг за шагом поползла вверх по лестнице.

Её дрожащий голос словно вырывался из самой глотки:

— Отец...

— Я вернулась.

— Отец...

Услышав ее голос, Хуа Лянмин словно получил тяжелый удар в грудь; он пошатнулся и едва удержался на ногах.

Ведь в его снах жена и дочь возвращались домой молча.

Увидев это, Хуа Чжао едва не сошла с ума от жалости, бросилась бегом вверх по лестнице и, подобно спешащей в гнездо ласточке, раскинула руки и бросилась в объятия Хуа Лянмина.

— Отец, я вернулась... — сдавленно произнесла Хуа Чжао, захлебываясь слезами. — Отец, прости меня...

Хуа Лянмин качнулся назад, после чего на мгновение замер с пустым взглядом — казалось, он

совершенно не представлял, как реагировать, если сон вдруг обернется явью.

Обняв Хуа Лянмина, Хуа Чжао горько зарыдала, потому что ощутила: Хуа Лянмин, выглядевший внешне совершенно так же, как прежде, исхудал до состояния одних лишь костей.

— Отец... Прости!

Хуа Чжао рыдала, уткнувшись в грудь Хуа Лянмина.

Хуа Лянмин стоял неподвижно, медленно поднимая обе руки. Прошло немало времени — достаточно для того, чтобы он окончательно поверил: всё это не сон, а самая настоящая реальность, — прежде чем он осторожно опустил ладонь на голову Хуа Чжао и хриплым голосом произнес:

— Вернулась...

— Главное, что вернулась.

— Главное, что вернулась...

Он без конца повторял эти слова, словно не умел говорить ничего другого. Услышав это, Хуа Чжао почувствовала, как её сердце разрывается на куски: больше всего на свете она боялась, что Хуа Лянмин вовсе не винит ее.

И он действительно не винил.

Ши Ушэ стоял внизу, наблюдая за их воссоединением, и его глаза тоже слегка увлажнились, но на губах играла улыбка. Похоже, в конце концов слёз у Хуа Чжао было так много, что они живьём смыли остатки рассудительности Хуа Лянмина.

Они также смыли двести лет его упорного ожидания и одиночества.

Он крепко обнял обретенную заново дочь, непрестанно успокаивая её.

— Главное, что вернулась... Отец рядом.

Хуа Чжао выплакала все глаза.

В конце концов она просто заснула прямо во время плача.

В Беседке Падающего Дождя Хуа Лянмин снял верхнюю одежду, оставшись в траурных белых одеждах. На его коленях покоилась голова заснувшей в слезах Хуа Чжао, а напротив сидел Ши Ушэ, который держал кувшин и наливал Хуа Лянмину вино.

— В Сфере Демонов сменился новый Повелитель демонов, — Хуа Лянмин принял чашу. Раньше он терпеть не мог Ши Ушэ, но теперь начал тосковать даже по нему.

— Неважно, — ответил Ши Ушэ. — Я изначально и не собирался быть никаким Повелителем демонов.

Хуа Лянмин чокнулся с Ши Ушэ, и они молча осушили чаши.

На самом деле он хотел поблагодарить Ши Ушэ за то, что тот вернул его дочь.

Но он долго подбирал слова, и стоило ему заговорить, как вырвалось:

— Раз уж вы сошлись, почему до сих пор не сыграли свадьбу?

Он слегка нахмурился, его благородные брови чуть сошлись на переносице, и во всем его облике проступило неизбывное величие главы рода и старшего.

Пальцы Ши Ушэ замерли, и он тут же ответил:

— Мы как раз собирались сыграть свадьбу, поэтому и вернулись, чтобы попросить Старейшину Минъюэ провести её.

— Как ты меня назвал? — Хуа Лянмин уже растерял ту горестную тревогу, что испытывал при недавней встрече с Хуа Чжао, и в нём проснулся защитный инстинкт родителя, считающего, что отношения Ши Ушэ и Хуа Чжао пора закрепить как можно скорее.

Ши Ушэ тут же поднялся, слегка склонил голову и, почтительно вытянув вперёд руки, отвесил глубокий поклон:

— Отец.

Только после этого Хуа Лянмин остался отчасти доволен, поставил чашу на стол и произнёс:

— Садись.

— Как раз выдалось немного свободного времени, пора как следует всё обсудить насчёт свадьбы.

— Да.

Ши Ушэ бросил взгляд на Хуа Чжао, и в его глазах блеснула медовая теплота.

Хуа Лянмин тоже опустил взгляд на спящую на его коленях дочь, протянул руку и поправил выбившуюся прядь у неё на виске, но заговорил вовсе не так любезно:

— Сейчас ты не Мастер Зала Правосудия Секты Меча Цинлин и даже не Повелитель демонов. В каком качестве ты собрался брать Дачжуан в жёны?

В конце концов, он был старым отцом, и кем бы ни была Хуа Чжао — человеком или бессмертной — она оставалась его сокровищем.

Он не мог позволить, чтобы его сокровище хоть в чём-то ущемляли.

Ши Ушэ на мгновение задумался, поразмыслил над словами и произнёс:

— Завтра же вернусь в Сферу Демонов...

А проснувшаяся после бурного плача Хуа Чжао не обнаружила рядом Ши Ушэ. Хуа Чжао только-только нашла отца, как тут же потеряла Ши Ушэ.

Проснувшись на следующее утро и не обнаружив его рядом, она помимо своей воли начала думать о самом худшем.

К счастью, вскоре Хуа Лянмин сообщил Хуа Чжао, что Ши Ушэ просто вернулся в Сферу

Демонов.

— Зачем он вернулся в Сферу Демонов? — удивленно спросила Хуа Чжао.

Ши Ушэ ведь явно не желал быть Повелителем демонов, он больше всего на свете хотел всю оставшуюся жизнь не иметь ничего общего с демонами и нечистью.

Услышав это, Хуа Лянмин сурово произнес:

— Вы уже столько времени вместе, но до сих пор не определились. У него за душой ни гроша, так и будете продолжать слоняться без дела?

Хуа Чжао: «.....»

Она шевельнула губами, желая сказать: мы с ним даже не люди, неужели нам важны эти иллюзорные условности?

Но, столкнувшись с преисполненным страха за нее и ее благополучие взглядом Хуа Лянмина, Хуа Чжао вдруг подумала, что и эти условности, и столь ценимый смертными брак — вещи на самом деле очень важные.

Поэтому она спросила:

— А он не говорил, когда вернется?

Услышав это, Хуа Лянмин покачал головой, а затем посмотрел на Хуа Чжао и сказал:

— Ты не... не ходи за ним.

Изначально он хотел сказать: «Тебе запрещено к нему соваться». Стоило Хуа Чжао вернуться, как в нем тут же проснулась заботливая родительская натура. Ни один пожилой отец никогда не посмотрит на своего зятя с истинным одобрением.

Однако из-за того, что Хуа Чжао с таким трудом вернулась, Хуа Лянмин в глубине души смертельно боялся: он страшился переборщить со строгим воспитанием, опасаясь, что она снова уйдет вслед за Ши Ушэ.

По правде говоря, было бы неправдой сказать, что все эти годы Хуа Лянмин не страдал. Его дочь лишилась семи чувств и страстей, но при этом запомнила лишь какого-то бродягу. Стоило Хуа Лянмину только вспомнить об этом, как ему становилось крайне трудно изобразить доброжелательное выражение лица при виде Ши Ушэ.

В сердце Хуа Лянмин тот выглядел не иначе как упрямым батраком, который соблазнил и увлек за собой в бега его драгоценную, выращенную в изобилии и роскоши дочь-аристократку. Раньше ей действительно жилось вольготно: стоило протянуть руку — подавали одежду, стоило открыть рот — подносили еду, она почивала на мягких перинах, а её ноги никогда не касались земли.

Небесный Путь сжалился над её великими заслугами и даровал ей шанс на перерождение. Хуа Чжао возродилась в тот самый вечер, когда её второй старший брат, охваченный миазмами страсти, едва не обесчестил её.

Снаружи бушевал свирепый ветер и лил проливной дождь. По идее, она должна была тяжёлым ударом магического артефакта покалечить духовные корни второго старшего брата, из-за чего этот гордый и прославленный представитель бессмертной секты в будущем утратил бы способность к культивации и ступил бы на демонический путь.

А сама она, вырвавшись из лап демона, в слезах и рыданиях бросилась бы в комнату младшего соученика.

Вспомнив прошлое, Хуа Чжао на мгновение задумалась.

Она швырнула на пол и магический артефакт, и собственный пояс.

Затем легла на кровать, приняла изящную позу и поманила пальцем потерявшего рассудок второго старшего брата.

Хуа Чжао:

— Иди сюда.

Прожив ещё одну жизнь, Хуа Чжао, привыкшая полагаться на других, нетерпеливо сменила себе кормушку.

Она планировала в этой жизни больше не ввязываться в сердечные дела, преследовать лишь личную выгоду и жить в своё удовольствие.

Она никак не ожидала, что второй старший брат возьмет её за руку, поддержит и научит, как вырасти раскидистым деревом, а не цепляющейся лианой, и объяснит, что такое настоящая любовь и что значит быть собой.

Предыдущая глава

Начало истории

«Второй старший брат... Не надо так, отпусти меня, умоляю!»

Женский голос звучал надломленно, в нём слышались сдавленные рыдания, и от этого она казалась до жалкости несчастной.

Створки окон со свистом и грохотом содрогались под ударами буйной бури, а дождь без перерыва барабанил по стеклу.

В комнате царил кромешный мрак: свирепая духовная сила сокрушила все лампы Вечного Света, столы, стулья и скамейки перевернулись вверх дном, лишившись ножек и подлокотников, словно здесь пронёсся ураган.

Потоки духовной энергии всё ещё неистовствовали, напоминая зловещих змей, скользящих по комнате, или путы, связывающие бессмертных, и все они устремлялись в угол к всхлипывающей и умоляющей о пощаде женщине.

Женщина дрожала всем телом, её лицо было бледнее полотна, а по персиковым щекам ручьями катились слёзы. Зажатый в горле сдавленный стоп походил на звуки, издаваемые отчаянным зверьком.

Она изо всех сил старалась удержать над головой предмет, похожий на колокольчик.

Парящие в воздухе потоки духовной энергии, словно страшась зажатого в женской руке колокольчика, замерли вокруг неё, но продолжали зловеще извиваться, выжидая удобного момента для броска.

Конечно же, в руках у женщины был вовсе не обычный колокольчик, а высокоранговый магический артефакт. Сейчас его свечение то вспыхивало, то гасло, наглядно показывая, насколько напугана, растеряна, зла и шокирована та, что пыталась им управлять!

— Вто-торой старший брат... — дрожащим голосом снова произнесла женщина, обращаясь к источнику извивающихся в воздухе духовных змей — фигуре, скрывавшейся в темноте. — Приди в себя... Отпусти меня, я вернусь в гору и позову старейшину из Медицинского павильона! Миазмы страсти... наверняка можно исцелить как-то иначе!

Никто ей не ответил.

В темноте раздавалось лишь учащенное дыхание мужчины, которое не могла заглушить даже свирепая буря — дыхание оголодавшего хищника или одержимого страстью злобного демона.

Воспользовавшись тем, что женщина отвлеклась на разговор, он злонамеренно направил духовную змею обвиться вокруг её щиколотки, и с глухим стуком девушку рывком повалили на пол.

— Ах!

— Не надо!

— Второй старший брат, не надо!

— Нет!

Духовные змеи туго обмотали лодыжки и голени женщины, стремительно волоча её по полу в темноту.

Доведённая до отчаяния, она безумно забилась и срывающимся голосом закричала:

— Я люблю младшего соученика! Я уже поклялась ему в вечной верности, ты не смеешь так со мной поступать! Младший соученик... Младший соученик тебе этого не простит!

Женщина плакала и кричала до того жалко, что волочившие её духовные змеи замерли лишь на мгновение. Не успела несчастная возродить в сердце хоть какую-то надежду, как они, не выказывая ни капли жалости к женской красоте, стремительно увлекли её во мрачные глубь комнаты.

Ни крики, ни мольбы не могли пробиться сквозь оконные створки, не говоря уже о занавесе дождя на улице. Остальные культиваторы расположились на ночлег в других домах этой деревушки, довольно далеко отсюда.

Никто не придёт ей на помощь.

Голос женщины звучал всё громче раскатов грома за окном, превращаясь в предсмертный вопль. Магический артефакт, который она судорожно сжимала в руках, давно погас из-за охвативших её паники и ужаса.

Яркая вспышка молнии сверкнула прямо у окна, озарив комнату столь ослепительным светом,

что рождающееся в ней преступление предстало во всей красе, превратив помещение в подобие залитого дневным светом пространства.

Этот свет также осветил истинного виновника, который в зловещей темноте управлял духовными змеями, увлакивающими женщину.

Ростом он был выше восьми чи, с узкой талией и широкими плечами, и стоял неподвижно, источая леденящий холодок. Его голова и лицо были полностью скрыты маской с изображением свирепого демонического зверя с оскаленными золотисто-алыми клыками. Он выглядел до ужаса устрашающе — точь-в-точь как мстительный злой дух из преисподней Хуанцюань, явившийся в мир живых за чьей-то душой.

Взгляд отчаявшихся глаз женщины случайно столкнулся с глазами мужчины, прятавшимися за маской этого демона. От жуткого, полного дикой ярости и утратившего всякий разум блеска в его взоре её тело мгновенно прошибла дрожь.

Внезапно в руках у женщины ярко вспыхнул магический артефакт. Всё помещение залило ослепительным белым светом, и обвивавшие девушку духовные змеи, словно демонические звери, которым отрубили головы, забились в конвульсиях и бросились враспынную.

Главный виновник происшествия принял на себя всю мощь высвободившейся духовной энергии артефакта, отлетел назад и со страшным грохотом врезался в стоявший у стены стеллаж.

Именно посреди этого оглушительного грохота и слепящего белого света Хуа Чжао и обрела сознание.

Ей даже не нужно было смотреть: стоило лишь прикрыть глаза и прислушаться к ощущениям, как она сразу поняла, что сжимает в руке свой излюбленный магический артефакт — Колокол Подавления Духа.

В этот момент Колокол Подавления Духа, приведенный в действие, гулко звенел и с невероятной скоростью вытягивал духовные силы из её тела. Собирая обломки разгромленной мебели, он начал стремительно увеличиваться в размерах, превращаясь в гигантский колокол, готовый с сокрушительной силой накрыть злодея —

Колокол Подавления Духа был создан в Зале Магических Артефактов секты Цинлин и славился высоким рангом, однако порог для его использования был крайне низким — привести его в действие мог даже культиватор на Стадии Очищения Ци. Активируясь, артефакт автоматически притягивал всё, что находилось вокруг, формируя защитный купол. Стоило злому существу оказаться под ним, как у него не оставалось ни единого шанса на спасение. Достаточно было лишь трёх ударов колокола, чтобы любая нечисть обратилась в прах — при условии, что подпитка духовной силой не прекращается.

По иссушенным меридианам прокатилась острая боль, похожая на разрыв тканей, а духовная энергия в теле оказалась полностью исчерпана. Хуа Чжао не понимала, в какой ситуации оказалась, но инстинкт самосохранения заставил её немедленно прервать подачу духовных сил в артефакт.

Ослепительно белый свет замер на секунду, а затем, подобно разорвавшемуся фейерверку, рассыпался на мириады искр и угас.

Обломки мебели, что колокол успел собрать в воздухе, с грохотом рухнули вниз, и в комнате вновь раздался звон падающих предметов.

Лишь спустя долгое время Хуа Чжао смогла наконец открыть глаза. Привыкнув к полумраку, она обнаружила, что находится в незнакомом помещении.

Освещение было тусклым. Собрав остатки крох духовной силы и направив их к глазам, она смогла разглядеть всё вокруг.

Опираясь на руки, она приподнялась и прищурившись обвела взглядом тёмную комнату, на мгновение испытав растерянность от непонимания, в каком времени и пространстве находится.

Пересохшие, ноющие меридианы, дикий стук сердца, осязаемые и чувствующиеся конечности, даже собственное сбитое, слегка испуганное дыхание вкупе с тяжелой сыростью за окном и глухими раскатами грома то приближающейся, то удаляющейся грозы — всё это обострило пять чувств до предела и до мельчайших деталей донесло до Хуа Чжао простую истину: она больше не бесплотный призрак в абсолютной белой пустоте, она снова живой человек.

Она действительно вернулась к жизни?

Она действительно снова жила!

Небесный Путь пообещал вернуть её в определенный момент прошлого и позволить прожить жизнь заново при условии, что она не станет нарушать предопределенный ход мира.

Что же это за момент?

Эту халяву я испиваю до дна!

<http://bllate.org/book/22424/2354327>